

**ТОМСКИЙ СУДЬЯ АЛЕКСАНДР ЛЕВБЕРГ:
ГРАНИ ПОСОБНИЧЕСТВА БОЛЬШЕВИКАМ
В НАЧАЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ***

Евгений Крестьянников

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

**TOMSK JUDGE ALEXANDER LEVBERG:
THE FACETS OF COLLABORATION WITH BOLSHEVIKS
AT THE BEGINNING OF THE CIVIL WAR**

Evgeny Krestyannikov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

In 1917, the Soviet regime began to introduce new forms of state and legal relations. The former system of justice was being violently destroyed, which led to a split in the judicial community and caused significant changes in the legal culture of practitioners, who were thrown into unavoidable political and professional choices. In this article, the author refers to the story of judge A. E. Levberg and studies the professional paths of Siberian judicial figures who joined Soviet institutions, finding out the motives governing their actions and evaluating the repressive measures employed. The study makes it possible to add new information to data on the mechanisms of revolutionary transformations, helps explain the patterns of how state legal systems functioned, and increases knowledge about human behaviour during a deep social and political conflict. A central focus on everyday life, micro-historical analysis, and the use of various sources (print media, private sources, and archival documentation introduced into scholarly circulation for the first time) make it possible to comprehensively consider reports on the liquidation of pre-revolutionary courts and the transfer

* *Citation*: Krestyannikov, E. (2021). Tomsk Judge Alexander Levberg: The Facets of Collaboration with Bolsheviks at the Beginning of the Civil War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 1. P. 203–217. DOI 10.15826/qr.2021.1.574.

Цитирование: Krestyannikov E. Tomsk Judge Alexander Levberg: The Facets of Collaboration with Bolsheviks at the Beginning of the Civil War // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 1. P. 203–217. DOI 10.15826/qr.2021.1.574 / Крестьянников Е. Томский судья Александр Левберг: грани пособничества большевикам в начале Гражданской войны // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 203–217. DOI 10.15826/qr.2021.1.574.

of their employees to work for the Bolsheviks. Such decisions did not necessarily entail the intentional participation of judicial personnel in the construction of the new regime, as it could have been caused by material need; moreover, it allowed judges to continue their judicial practice and fulfill their professional duty to society. Many might have considered their work in the Soviet state apparatus as subversion against it. The judicial community itself considered cooperation with the Soviets a betrayal of the principles of corporate solidarity and ideals of justice. After the Bolsheviks had been overthrown, their collaborators from among the judiciary were prosecuted. Despite social and professional hostility towards them, these people avoided severe punishment: the legal framework did not classify their actions as a crime, and no provision existed for sanctioning moral or political choices.

Keywords: justice, Soviet regime, White movement, Civil War, judicial figures, A. E. Levberg, Tomsk, Siberia

В 1917 г. советская власть приступила к внедрению новых форм государственных и правовых отношений. Прежняя юстиция подлежала уничтожению, сопровождавшемуся применением насилия, приводившему к расколу в судебном сообществе и существенным изменениям в правовой культуре юристов-практиков, которые были поставлены в ситуацию неизбежного политического и профессионального выбора. В статье через призму жизненной истории одного судьи А. Е. Левберга выявлены служебные траектории сибирских судебных деятелей, поступивших на работу в советские учреждения, мотивы данных поступков и дана оценка применявшимся репрессивным мерам. Исследование позволяет дополнить представления о механизмах революционных трансформаций, внести вклад в объяснение закономерностей функционирования государственно-правовых систем и умножить знания о поведении человека в условиях глубокого социально-политического конфликта. Приоритетное внимание к повседневности и применение микроисторического анализа, а также использование различных по генезису источников, прежде всего периодической печати, материалов личного происхождения и впервые вводимой в научный оборот архивной документации, позволяют всесторонне рассмотреть акты ликвидации дореволюционных судов и случаи перехода их сотрудников на работу к большевикам. Такая служба могла являться не только сознательным участием судебного персонала в строительстве новой власти, но и решением, продиктованным материальной нуждой, позволяющим продолжить судебную практику и исполнить свой профессиональный долг перед обществом. Вероятно, было немало и тех, кто видел свою деятельность в советском госаппарате в качестве подрывной против него. Судейское же сообщество расценивало сотрудничество с Советами как предательство принципов корпоративной солидарности и измену идеалам правосудия. После свержения большевиков служащие судебных ведомств подвергались преследованию. Несмотря на враждебное к себе отношение со стороны общественности и коллег, им удалось избежать

наказания: классифицировать их деяния как преступные не позволяла правовая база, а репрессии за нравственный и политический выбор закон не предусматривал.

Ключевые слова: юстиция, советская власть, белое движение, Гражданская война, судебные деятели, Томск, Сибирь

Перемещение члена Томского окружного суда А. Е. Левберга на аналогичную должность в Тобольский окружной суд могло быть заурядной кадровой перестановкой [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 3. Д. 228. Л. 3–4], но в условиях эскалации Гражданской войны в сентябре 1918 г. такой служебный путь наполнялся разнообразными смыслами. Перевод чиновника состоялся как наказание за «нарушение товарищеской солидарности», выразившееся в том, что судья в кратковременный период господства советской власти вразрез с общими решениями служащих судебного ведомства Томска изъявил желание служить в советском народном суде [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–2, 7 об.].

Микроисторический анализ позволяет маркировать подвиги, происходившие в правосознании и правовой культуре служителей Фемиды, делая возможным через политические ориентиры правоведов характеризовать разные типы государственности и политико-правовых отношений на фазах их становления и краха: ведь, по мысли П. Бурдые, юристы по меньшей мере выступают «за право как инструмент легитимации того, что есть» [Бурдые, с. 582]. Их выбор власти – это надежный индикатор кризисных явлений и предпочтений страны. В частности, по результатам проведенного в августе 1918 г. советом¹ присяжных поверенных округа Омской судебной палаты расследования, из всего 184 адвокатов 30 признавались причастными к созданию и деятельности органов советской власти, причем 19 из них представляли Томск [Красильников, Пыстина и др., с. 204]. А. Е. Левберг, по сведениям председателя Томского окружного суда П. А. Фролова, принадлежал к трем десяткам судейских работников Томского судебного округа, включая канцеляристов, согласившихся трудиться в советских учреждениях [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 30–33].

После чехословацкого восстания, по мере избавления Сибири от власти большевиков, по словам старшего председателя Омской судебной палаты П. В. Вологодского, «началась лихорадочная работа по восстановлению деятельности судебных установлений» [Вологодский, с. 58]. В рамках этого процесса важно было отделить «своих» от «чужих», с чем непосредственным образом связывались перспективы устойчивости нового порядка. В судейских кругах отношение к сотрудничавшим с совдепом отличалось нетерпимостью и характеризовалось решимостью как минимум дистанцироваться от них. Общее собрание чиновников судебного ведомства и адвокатуры Ново-

¹ Советы – органы корпоративного самоуправления адвокатуры.

никалаевска в июне 1918 г. постановило «потребовать от Сибирского временного правительства увольнения всех чинов судебного ведомства, подавших прошения о предоставлении им должностей и вообще находившихся на службе в организованных советской властью судах». Указывалось также на необходимость исключения из сословия адвокатов тех лиц, кто «записался в правозаступники или поступил на службу в народные суды». Оговаривалось, однако, что «увольнение со службы, а равно исключение из сословия, производятся после расследования; до окончания его все эти лица отстраняются немедленно от несения своих обязанностей» [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 8–8 об.]. Омский совет присяжных поверенных на заседании 30 июня постановил возбудить дисциплинарное производство против членов адвокатской корпорации, подавших прошения в томский совдеп о принятии их в советские коллегию правозаступников или суды [Сибирская жизнь, 1918, 4 июля].

В глазах юристов-практиков, воспитанных на непререкаемом авторитете Судебных уставов 1864 г., лица, служившие Советам, посягнули на святое и являлись предателями, поскольку, по оценке П. В. Вологодского, большевики «объявили разрушительный поход против судов», сделав ставку на классовое революционное правосознание, учредили самосуд [ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 2. Л. 17, 21]. «Упразднить донныне существующие общие судебные установления», – первой фразой провозглашал «Декрет о суде» СНК 22 ноября 1917 г., тем самым прерывая полувековую историю развития независимого суда и автономии судейской корпорации [Декреты, с. 124]. Начинался, по характеристике П. Соломона, большевистский эксперимент над правосудием [Соломон, с. 17–25], возможность участия в котором со стороны судебных деятелей, кроме прочего, определялась юридической оценкой советского суда и Октябрьского переворота. Когда в декабре во исполнение указанного декрета комиссары советской власти приступили к закрытию судебных учреждений, оставаться безучастными становилось невозможно.

В Сибири атаке сначала подверглись омские судебная палата и окружной суд, куда 16 декабря 1917 г. ответственный за ликвидацию прежней юстиции А. И. Апин направил товарищей, предъявивших декрет о суде и предупредивших чиновников, что они должны оставаться на своих местах и продолжать работу до последующих указаний новой власти. В ответ последовал саботаж, выразившийся в отказе от сдачи дел, имущества и денежных средств, а также в призыве к персоналу покинуть рабочие места [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 16; Материалы, с. 20]. Но сопротивление было сломлено: на первом же заседании местного ревтрибунала 28 декабря приговоренным к лишению общественного доверия оказался председатель упраздненного Омского окружного суда М. А. Подгоричани-Петрович [Омский вестник, 1917, 30 дек.]. Другой наиболее значимый центр судебной власти края в Иркутске (здесь располагалась, на-

ряду с Омском, вторая сибирская судебная палата) прекратил существование 5 января 1918 г. Закрытием органов юстиции руководил переметнувшийся на сторону Советов присяжный поверенный С. Я. Наркевич. Старший председатель Иркутской судебной палаты Н. П. Ераков лишь осведомился у пришедших лиц о вероятности применения силы в том случае, если он не подчинится и не подпишет документы о завершении деятельности подведомственных учреждений. Когда ему ответили утвердительно, чиновник покорно подписал протокол [Наркевич, с. 37].

В городах с окружными судами судебная власть тоже не признавала советский режим добровольно. В Барнауле 22 декабря 1917 г. в суд пришли вооруженные красногвардейцы, объявили его подчиненным Советам, при этом служащим предложили оставаться на своих местах. Но те покинули здание и собрались на частной квартире, где «выразили пожелание» в адрес мировых судей и судебных следователей прекратить работу [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 43]. Через неделю в Красноярске чиновники юстиции в ответ на препятствия отправлять правосудие, чинимые совдепом, решили прекратить деятельность. Трудиться в новых властных структурах им думалось «безусловно недопустимым» [Свободная Сибирь, 1918, 11 янв.]. Во Владивостоке на майском 1918 г. собрании судей и прокурорских работников декреты советской власти расценивались как незаконные, поскольку исходили от «неуполномоченной власти, не получившей общего признания». Следовательно, о службе в учреждениях, образованных по этим декретам, не могло быть и речи [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 1. Д. 86. Л. 9–10].

При прямом участии А. Е. Левберга сценарий подобных событий в Томске являлся наиболее драматичным. На угрозы советской власти судебные деятели томского округа ответили решениями общего собрания 30 декабря 1917 г. Они выразили протест против насильственного закрытия Омской судебной палаты, Омского и Барнаульского окружных судов [Знамя революции, 1918, 5 янв.] и постановили продолжать деятельность до насильственного ее прекращения [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.; Д. 12. Л. 1 об.]. На общем собрании 19 февраля 1918 г. почти единодушно (из присутствовавших 76 человек против не было ни одного голоса, один воздержался) признавалось недопустимым служить в советских судах и подтверждалось намерение продолжить работу впредь до применения насилия [Путь народа, 1918, 22 февр.]. В марте томский комиссар Е. И. Мараев предложил судебным чинам считать себя освобожденными с 25 числа от исполнения своих служебных обязанностей. Отказавшиеся сотрудничать с советской властью подлежали, согласно декрету, увольнению [Знамя революции, 1918, 23 марта]. 21 марта в окружном суде состоялось последнее судебное заседание с участием присяжных заседателей, завершившееся трогательной сценой прощания с членами суда представителей народа, выразивших надежду на скорую встречу

при более подходящих для отправления правосудия условиях [Путь народа, 1918, 24 марта].

Однако советская власть остро нуждалась в специалистах-правоведах. «Юристов у нас не было», – вспоминал первый председатель Омского ревтрибунала А. А. Звездов [Звездов, с. 42], юридическое и общее невежество которого являлось предметом насмешек местной оппозиционной прессы [Омский вестник, 1917, 29 дек.; Пролетарий, 1918, 12 янв.]. В органе Томского совета «Знамя революции» можно было прочитать призывы к сотрудничеству, адресованные к судебным чиновникам: «Мировым судьям, а равно всем вообще юристам, желающим баллотироваться в местные судьи г. Томска, предлагается о таком своем желании немедленно заявить Президиуму революционного трибунала» [Знамя революции, 1918, 28 янв.]. После мартовских действий местного совдепа в отношении Томского окружного суда избранная от последнего комиссия вошла в переговоры с большевиками, закончившиеся безрезультатно. Тогда несколько судебных деятелей, включая А. Е. Левберга, получили персональные приглашения служить в советском суде и выразили на это согласие. Но приступить к исполнению обязанностей успели не все – большевистская власть была вскоре низложена [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об. –2].

Тем не менее, в судебном ведомстве произошла поляризация, которой, к тому же, сопутствовал раскол в среде тех, от кого все больше зависела сама возможность функционирования юстиции – судейского вспомогательного персонала. В конце лета и начале весны 1917 г. от канцеляристов, обслуживавших судебные учреждения Новониколаевска, постоянно исходила угроза забастовки, которая в конце концов была реализована [Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 317. Л. 54 об., 61, 77]. Со времени введения Судебных уставов в 1897 г. сибирская юстиция испытывала хронический дефицит денежных средств, усугубленный хозяйственным кризисом из-за мировой войны [Крестьянников, 2018]. Материальное положение судей было плачевным, а канцелярских служащих – тем более. Для них лозунги послужить высоким идеалам правосудия, по-прежнему находившие отклик в магистратуре, прокуратуре и адвокатуре, становились еще менее привлекательными. Советская власть пользовалась ситуацией: в Красноярске ее представителям удалось добиться неподчинения работников канцелярии руководству суда, тем самым получив возможность диктовать учреждению условия [Свободная Сибирь, 1918, 11 янв.]. В Томске лишь меньшая часть канцеляристов осталась трудиться в новых судах – 18 против 51 [Путь народа, 1918, 29 марта], что в противостоянии местных совдепа и юстиции все равно укрепляло позиции первого.

Наиболее высокопоставленным вербовщиком служащих для народных судов в Томске являлся прокурор местного окружного суда С. В. Александровский, ранее известный адвокат, назначенный на прокурорскую должность 12 августа 1917 г. в результате «адвокатского призыва», развернутого с подачи министра юстиции Времен-

ного правительства А. Ф. Керенского [Приказы, с. 114–115]. В качестве кадрового резерва судебно-прокурорских учреждений в центре и на местах тогда широко использовались присяжные поверенные, а их советы могли играть решающую роль при назначении того или иного руководителя в судебном ведомстве [Хаски, с. 27–28; Юристы и революция, с. 64–65]. Неудивительно, что именно омский совет, следуя курсу данной политики, в марте 1917 г. выдвигал кандидатуры, больше из адвокатов, на должности председателя и прокурора Омской судебной палаты [ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 12. Л. 6].

От прокуратуры требовалось стоять на страже государственности и законности. Один из наиболее выдающихся отечественных прокуроров и министр юстиции в 1894–1905 гг. Н. В. Муравьев считал, что она, ревностно исполняя роль защитницы государства, представляла собой «как бы враждебный суду орган, порождающий между ними недоверие и рознь» [Прокурорский надзор, с. 27–28]. Адвокатура в России полстолетия защищала общественные интересы как минимум наравне с государственными. Эти два судебных установления, спланивавшиеся в Российской империи вместе с судьями в общей судебной корпорации на основе юридического образования и высокой степени профессионального сознания [Levin-Stankevich], тем не менее, в своей деятельности подчинялись разным правилам и традициям, отличным от порядков магистратуры. Когда все перемешалось и к давно проторенному пути из судейского корпуса и прокуратуры в адвокатуру революционный год прибавил траекторию обратного движения, в корпорацию юристов-практиков вносилось размежевание, и порождались заметные аномалии в правовой культуре. По некоторым оценкам, назначение 8 апреля 1917 г. прокурором Иркутской судебной палаты присяжного поверенного С. С. Старынкевича [Указы и приказы, с. 21], ставшего затем министром юстиции Временного сибирского правительства, вызвало в Иркутске недовольство большинства магистратуры и самой адвокатуры [ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 9. Л. 3]. Совсем не удивительно, что адвокат на прокурорском посту С. В. Александровский, являвшийся раньше важным членом сообщества правоведов (например, вместе с судьями, представителями адвокатуры и профессорами-юристами местного университета он входил в судебную комиссию Томского юридического общества для разработки реформы местного суда [Реформа, с. 1]), предал власть, от которой принял назначение на должность и которую призывался охранять, оказавшись в лагере ее врагов и разрушителей правопорядка.

Когда началось расследование обстоятельств перехода судебных чиновников на службу большевиков, следственные материалы указывали на вредную для досоветской юстиции деятельность этого прокурора. В частности, бывший добавочный мировой судья А. И. Бейгель, пошедший в народные судьи, заявлял, что решил на такой шаг под «влиянием» С. В. Александровского [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.].

Глава прокуратуры как «скомпрометировавший себя близостью к большевикам» был уволен [Голос народа, 1918, 8 июня] и даже арестован, но после пятидневного пребывания под стражей его освободили [Сибирская жизнь, 1918, 18 июня]. По окончании Гражданской войны он начал карьерный путь в советских учреждениях: занимал пост заведующего губернским отделом юстиции, а 7 июля 1920 г. Томский губревком назначил его председателем ревтрибунала [ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 80. Л. 28].

Обвинения в инкриминируемых А. Е. Левбергу деяниях были сформулированы на заседании Томского окружного суда 9 июня 1918 г. В вину ему вменялись «выход его из коллектива судебного ведомства», «подача им заявления о желании служить в реформируемом советской властью народном суде» и «проявленная им активная деятельность в смысле склонения ко вступлению в судебные установления советской власти других лиц». Ко всему прочему, член суда был замечен в связях с С. В. Александровским, что в тогдашних условиях являлось дополнительным доказательством его предательства [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–1 об., 7 об.].

В тот момент стремление наказать прислужников советской власти закрывало глаза на другие стороны вопроса о пособничестве большевикам. Представлялось совершенно чудовищным и недопустимым служить режиму, практиковавшему насилие и несущему разрушение, репрессивные меры которого направлялись против наиболее уважаемых представителей судейского сообщества Сибири. К примеру, 20 января 1918 г. следственная комиссия Омского ревтрибунала произвела обыск в квартире П. В. Вологодского [ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 19. Л. 1], за полгода до этого возглавившего судебную палату благодаря авторитету в адвокатской корпорации [Крестьянников, 2017]. Наверняка чиновники, вернувшись в помещения судов после изгнания большевиков, пережили прилив ненависти к ним: они могли наблюдать разорение и следы вандализма. По словам председателя Барнаульского окружного суда А. П. Морозова, судебные делопроизводство и имущество после господства представителей совдепа находились «в хаотическом состоянии» [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 44 об.]. Н. П. Ераков, вознамерившись найти дореволюционную переписку Иркутской судебной палаты по проблеме введения суда присяжных в Восточной Сибири, ее не обнаружил. Председателю оставалось только предположить, что документы были уничтожены во время «вооруженной междоусобной борьбы» [ГАИО. Ф. 245. Оп. 4. Д. 44. Л. 4].

Атмосфера озлобленности препятствовала беспристрастному выяснению виновности перебежчиков на сторону совдепа. Сильнейшему испытанию общественным остракизмом подвергся член Томского окружного суда В. И. Злобинцев – один из немногих, успевших потрудиться в советской юстиции [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 33]. Профессор Томского университета Н. Я. Новомбергский, близкий судейскому сообществу, поскольку имел опыт службы сибирским

мировым судьей [Профессора Томского университета, с. 180], опубликовал открытое письмо, в котором всячески заклеил последнего в измене ценностям правосудия [Голос народа, 1918, 18 июля]. В профессиональной судейской среде союзники советской власти также делались изгоями. Общее собрание судебных чиновников Омского окружного суда 9 июня 1918 г. отказалось выслушивать объяснения двух служащих, работавших у большевиков, и те вынуждены были уйти [Вологодский, с. 58]. В Томске на собрания лиц судебного ведомства и адвокатуры приглашались лишь те, кто «не принимал участия в деятельности советских судов и не изъявлял согласия служить в этих судах, а также и адвокаты, не изъявлявшие желания вступить в коллегия правосластников» [Сибирская жизнь, 1918, 4 июля].

А. Е. Левбергу предоставлялась возможность объяснить свой поступок. Перед собранием Томского окружного суда он выставил себя последовательным противником большевиков и свое поступление на службу объяснял желанием покончить с ними, совмещая решение этой задачи с выполнением перед народом судейского долга. Борьба с новым режимом изнутри, входя в новорожденные учреждения, ему представлялось более эффективным и перспективным, чем просто саботировать и отказываться от сотрудничества. Конечной целью своей деятельности судья видел «постепенное замещение сторонников советской власти лицами других взглядов, которые, получив перевес, вернут жизнь на нормальный путь». Работа же опытного юриста в любом суде – «отстаивание и проведение начал права и справедливости» – в тот момент являлась важной для обеспечения возврата россиян в лоно законности, чтобы ослабить государственную и экономическую разруху, «спасти народ от окончательной гибели». Уже поэтому чиновник не мог последовать заключениям судебных собраний, подчиненным политическим устремлениям отдельных судебных деятелей, не учитывавшим интересы всего судейского состава и потребностей населения в правосудии, а также принимавшимся при перевесе голосов политически ангажированных канцеляристов [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–3].

Скорее всего, при участии А. Е. Левберга «Сибирской жизнью» было опубликовано открытое письмо от имени девяти лиц томского судебного ведомства, сотрудничавших с советской властью. «Согласие же быть членами суда дано нами не оттого, что мы были большевиками и тяготели к большевизму. К этому обязывало нас понимание своего судейского долга», – оправдывались юристы. Они комментировали:

Правовой порядок был разрушен. Уголовные преступники, выпущенные для защиты родины на фронте, занялись грабежом в тылу. Бросавшие фронт солдаты, возвращаясь домой, творили самосуды над правыми и виноватыми. В несознательных массах идея государственного суда была поколеблена, зарождались мысли, что все дозволено. Начиналась анархия. <...> Декретами о суде по чьему-то адскому замыслу во всей

стране упразднилися судебные установления. Взамен их были открыты органы расправы – революционные трибуналы. Население при наступившем бесправии было обречено на бессудие.

Потому судьи, убежденные, «что большевизм не имеет корней в народе и гибнет», пошли «бороться с этим злом, внося в новые суды те начала права и справедливости, которые они исповедовали в старых» [Сибирская жизнь, 1918, 27 июля].

В таком же духе высказались в «Голосе народа» томские поверенные, поступившие в советскую коллегию правозащитников. Указывая на свою аполитичность («адвокат, как и врач, при отправлении своей профессии должен оставаться вне политики»), они писали: «Мы вступили в коллегию, чтобы бороться с несовершенством советского правосудия и чтобы защищать правовые интересы населения, которые без помощи адвокатов-юристов оказались бы в руках лиц узкопартийных и зачастую невежественных». Поверенные требовали прекратить ту шумиху, которую вокруг их выбора «старались создать некоторые лица судебного ведомства, то муссирование злостных слухов, в которых заведомая ложь зачастую заменяла собою замалчиваемую правду» [Голос народа, 1918, 20 июля].

На следствии А. Е. Левберг ничего не говорил о материальных мотивах своего поступка. До перевода в Томск с 1911 г. по апрель 1917 г. он занимал высокую должность прокурора Иркутского окружного суда [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 3. Д. 228. Л. 20 об. –21 об.], потому, вероятно, достигнутый уровень благосостояния не слишком отражался на принятом им решении. Того же нельзя сказать о других чиновниках. К примеру, молодой, семейный и находившийся в начале карьерного пути А. И. Бейгель (1885 г. р.) [ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 356. Л. 15 об. –16] прямо указывал, что служить в народном суде его заставила «материальная нужда» [Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.]. Наверняка перспектива остаться без работы толкала идти навстречу советской власти, чтобы избежать обнищания. Переметнувшийся на сторону Советов столичный юрист Н. Майер по свежим впечатлениям рассказывал, как безработные коллеги «погибали от голода и нужды» [Майер, с. 86]. Чтобы избежать подобного положения, в дни отпуска Томского окружного суда представители магистратуры, прокуратуры и адвокатуры даже «образовали трудовой кооператив для поддержки безработных сотоварищей по профессии и изыскания для этого средств» [Путь народа, 1918, 24 марта].

Бескомпромиссность вопроса о выживании умеряла принципиальность; к тому же, служба в советских судах могла быть совершенно не вредоносной. Тому свидетельство – деятельность В. И. Злобинцева, в доносах из Томска в Министерство юстиции характеризовавшегося «ярким большевиком» [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 3. Д. 1. Л. 15 об.]. На практике его работа в народном суде ограничивалась выдачей справок [Сибирская жизнь, 1918, 27 июля], а сотрудничество в советской

газете «Знамя революции», какое всячески порицал Н. Я. Новомбергский [Голос народа, 1918, 18 июля], вполне может быть истолковано как старание просвещать народные массы в рамках дореволюционных представлений о правосудии. В первой из серии публикаций В. И. Злобинцев указывал:

В статьях своих я не имею намерения производить критическую оценку декретов, но исключительно [стремлюсь] выяснить, основываясь на положительных нормах и опыте, порядок деятельности судебных органов в новых народных судах в интересах *правого, скорого, милостивого, равного для всех* и близкого к народу судебного процесса во всех его разветвлениях [Злобинцев].

То есть в данном случае чиновник использовал известную каждому обывателю формулировку, напрямую адресовавшую к Судебным уставам 1864 г. и не позволявшую отнести использовавшего ее юриста к разряду поклонников правосудия по большевистским рецептам революционного правосознания.

Обстановка допускала поверить А. Е. Левбергу, объяснявшему свои действия стремлением подрывать советскую власть путем вступления в ее организации. Подобным образом поступали некоторые судебные чиновники. По информации военных властей, на крестьянском съезде 22 марта 1918 г. все пятеро мировых судей и судебный следователь Тарского уезда Тобольской губернии избрались народными судьями, но тотчас дружно развернули пропаганду против большевиков. Те решили их арестовать, но не успели, и после свержения большевистского режима указанные лица немедленно возобновили отправление правосудия на досоветских началах [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 11]. Однако знание дальнейшей биографии А. Е. Левберга не позволяет положиться на искренность его следственных показаний: по окончании Гражданской войны он служил народным судьей седьмого района Томска, пока не получил должность в Совнархозе [ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 188. Л. 9].

Желание расправы над перебежчиками, овладевшее обществом и судебной корпорацией, вызывалось скорее эмоциями и не имело юридических оснований. Данные лица реализовали свой политический и нравственный выбор, оценка которого находилась вне правового поля и, к тому же, не могла посягнуть на один из основополагающих принципов Судебных уставов 1864 г. – несменяемость магистратуры. Выйти за границы правовых норм подразумевало воспользоваться методами советской власти, разрушавшей законность и проводившей в жизнь начала революционного правосознания, что было сравнимо с самосудом по нормам дореволюционной правовой системы. Репрессия за пособничество, таким образом, ограничивалась мерами внутрикорпоративного наказания. Например, 10 октября 1918 г. Тобольский окружной суд проводил разбирательство относи-

тельно работы в советских органах трех мировых судей. И хотя объяснения двоих – О. И. Штольца и Е. К. Маевского – «не заслужили уважения», карой для первого стал перевод с сохранением прежней должности из Тюменского в Ялуторовский уезд; для второго, ранее уже уволенного, ограничивались возможности возвращения на службу [ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 211, 216].

Томское расследование имело, вероятно, не совсем обычный сценарий: лица, от которых требовали объяснений, обвиняли тех, кто взялся их осуждать. Получалось, что служившие совдепу сотрудники, вопреки решениям собраний Томского окружного суда, призывавшим к профессиональной пассивности, продолжили нести народу правосудие, пусть даже под другим знаменем и в других учреждениях. Они прекрасно понимали собственную неуязвимость, ведь суд, обвинявший их в предательстве, остановился в шаге от него, не сумев договориться с новой властью. В итоге собрание 9 июня 1918 г. постановило сделать А. Е. Левбергу только «напоминание» за нарушение товарищеской солидарности. Но несколько сотрудников Томского окружного суда во главе с председателем учреждения П. А. Фроловым сформулировали особое мнение:

Признать, что дальнейшее пребывание А. Е. Левберга в должности члена суда в гор. Томске представляется невозможным и что ему может быть представлено право и возможность занимать ту же должность в другой местности.

Через полтора месяца Омская судебная палата предложила опорожнему связями с большевиками судье «подать прошение о переводе на ту же должность в Тобольский окружной суд с предупреждением, что в противном случае о нем будет возбуждено дисциплинарное производство» [ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 12. Л. 7 об. –10].

Судебная власть приняла вызов большевиков безоружной, готовой под воздействием революционного натиска к разрушению собственной монолитности. Она являлась организацией утрачивавшего авторитет и контроль над страной правления. Имея в своем арсенале лишь орудие законности, малопригодное в условиях войн и революций, судебная власть демонстрировала неспособность противостоять насилию и удерживать сотрудников. Подчиненная корпоративности юстиция, избретенная ненавистным для многих царским режимом, расколота Временным правительством и совдепом, увлеченная поиском внутренних врагов, она вряд ли являлась надежной опорой антибольшевистских сил, вместе с которыми в начале Гражданской войны вступила на путь к апокалипсису.

Список литературы

Бурдые П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М. : Дело, 2017. 720 с.

Вологодский П. В. Во власти и в изгнании : Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань : Изд. П. А. Трибунский, 2006. 619 с.

ГАИО. Ф. 245. Оп. 4. Д. 44.

ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 317, 356; Ф. 391. Оп. 1. Д. 8, 12.

ГАРФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 2; Ф. Р-4369. Оп. 1. Д. 86; Оп. 3. Д. 1, 228; Оп. 5. Д. 74.

ГАТО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 188; Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 80.

Голос народа. 1918. 8 июня; 18, 20 июля.

Декреты Советской власти : в 18 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. 626 с.

Звездов А. А. В период подготовки Октябрьской революции // В боях за власть Советов (воспоминания участников социалистической революции и Гражданской войны в Омске и Омской области). Омск : Омск. обл. книж. изд-во, 1957. С. 38–43.

Злобинцев В. И. Судебное устройство и судопроизводство по декретам № 1 и 2 // Знамя революции. 1918. 17 апр.

Знамя революции. 1918. 5, 28 янв.; 23 марта.

Красильников С. А., Пыстина Л. И. и др. Интеллигенция Сибири в первой четверти XX века: статус и корпоративные ценности. Новосибирск : Сова, 2007. 310 с.

Крестьянников Е. А. П. В. Вологодский и присяжные поверенные в Сибири // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 419. С. 152–159. DOI 10.17223/15617793/419/20.

Крестьянников Е. А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Рос. история. 2018. № 2. С. 22–34.

Майер Н. Служба в Комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции : [в 22 т.] / изд. И. В. Гессена. Берлин : Слово, 1921–1923. Т. 8. С. 56–109.

Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 1. Первый Всероссийский съезд областных и губернских комиссаров юстиции. М. : Народ. комиссариат юстиции, 1918. 60 с.

Наркевич С. Я. Закрытие иркутских судебных установлений // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 44–45. С. 35–37.

Омский вестник. 1917. 29, 30 дек.

Приказы по ведомству Министерства юстиции // Журн. М-ва юстиции. 1917. № 7–8. С. 81–123.

Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности : пособие для прокурор. службы / [соч.] Н. В. Муравьева, прокурора Моск. судеб. палаты. М. : Университет. тип., 1889. Т. 1. Прокуратура на Западе и в России. 554 с.

Пролетарий. 1918. 12 янв.

Профессора Томского университета : биограф. словарь / отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1996. Вып. 1. 1888–1917. 288 с.

Путь народа. 1918. 22 февр.; 24, 29 марта.

Реформа местного суда в Сибири // Тр. Юр. о-ва при Имп. Томск. ун-те. Вып. 2. Томск : Тип. Сиб. т-ва печат. дела, 1911. 30 с.

Свободная Сибирь. 1918. 11 янв.

Сибирская жизнь. 1918. 18 июня; 4, 27 июля.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М. : РОССПЭН : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 464 с.

Указы и приказы Временного правительства // Журн. М-ва юстиции. 1917. № 4. С. 19–22.

Хаски Ю. Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917–1939. М. : Ин-т государства и права РАН, 1993. 184 с. ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 9, 12, 19.

Юристы и революция : Pro et Contra / авт. и сост. С. М. Шахрай, К. П. Краковский. М. : Кучково поле, 2017. 552 с.

Levin-Stankevich B. L. The Transfer of Legal Technology and Culture : Law Professionals in Tsarist Russia // Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History / ed. by H. D. Balzer. Armonk, N. Y. : M. E. Sharpe, 1996. P. 223–249.

References

- Bourdieu, P. (2017). *O gosudarstve. Kurs lektsii v Kollezh de Frans (1989–1992)* [On the State. A Course of Lectures at the College de France (1989–1992)]. Moscow, Delo. 720 p.
- Dekrety Sovetskoï vlasti v 18 t.* [Decrees of the Soviet Authorities. 18 Vols.]. (1957). Moscow, Gospolitizdat. Vol. 1. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. 626 p.
- Fominykh, S. F. (Ed.). (1996). *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskii slovar'* [Professors of Tomsk University. Biographical Dictionary]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. Iss. 1. 1888–1917. 288 p.
- GAIO [State Archive of Irkutsk Region]. Stock 245. List 4. Dos. 44.
- GAOO [State Archive of Omsk Region]. Stock 25. List 1. Dos. 317, 356; Stock 391. List 1. Dos. 4, 8, 12.
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-193. List 1. Dos. 2; Stock R-4369. List 1. Dos. 86; List 3. Dos. 1, 228; List 5. Dos. 74.
- GATO [State Archive of Tomsk Region]. Stock R-53. List 1. Dos. 188; Stock R-173. List 1. Dos. 80.
- Golos naroda* [*Golos Naroda*]. (1918). June 8; July 18, 20.
- Huskey, Eu. (1993). *Rossiiskie advokaty i sovetskoe gosudarstvo. Proiskhozhdenie i razvitie sovetskoi advokatury. 1917–1939* [Russian Lawyers and the Soviet State. The Origin and Development of the Soviet Bar. 1917–1939]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN. 184 p.
- Krasil'nikov, S. A., Pystina, L. I., et al. (2007). *Intelligentsiya Sibiri v pervoi chetverti XX veka: status i korporativnye tsennosti* [The Siberian Intelligentsia in the First Quarter of the 20th Century: Status and Corporate Values]. Novosibirsk, Sova. 310 p.
- Krestiyannikov, E. A. (2018). Finansovye aspekty sudebnoi reformy v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.) [Judicial Reform in Siberia: Financial Aspects (Late 19th – Early 20th Centuries)]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 22–34.
- Krestiyannikov, E. A. (2017). P. V. Vologodskii i prisyazhnye poverennye v Sibiri [P. V. Vologodsky and Sworn Attorneys in Siberia]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 419, pp. 152–159. DOI 10.17223/15617793/419/20.
- Levin-Stankevich, B. L. (1996). The Transfer of Legal Technology and Culture: Law Professionals in Tsarist Russia. In Balzer, H. D. (Ed.). *Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History*. Armonk, N. Y., M. E. Sharpe, pp. 223–249.
- Maier, N. (1921–1923). Sluzhba v Komissariate yustitsii i narodnom sude [Service in the Commissariat of Justice and the People's Court]. In *Arkhiv russkoi revolyutsii [v 22 t.]* / publ. by I. V. Gessen. Berlin, Slovo. Vol. 8, pp. 56–109.
- Materialy Narodnogo komissariata yustitsii. Iss. 1. Pervyi Vserossiiskii s'ezd oblastnykh i gubernskikh komissarov yustitsii* [Materials of the People's Commissariat of Justice. Iss. 1. First All-Russian Congress of Regional and Provincial Commissars of Justice]. (1918). Moscow, Narodnyi komissariat yustitsii. 60 p.
- Murav'ev, N. V. (1889). *Prokurorskii nadzor v ego ustroistve i deyatelnosti. Posobie dlya prokurorskoï sluzhby* [Prosecutorial Supervision in Its Creation and Activities. Benefits for the Prosecution Service]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Vol. 1. Prokuratura na Zapade i v Rossii. 554 p.
- Narkevich, S. Ya. (1922). Zakrytie irkutskikh sudebnykh ustanovlenii [The Closure of Irkutsk Judicial Establishments]. In *Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii*. No. 44–45, pp. 35–37.
- Omskii vestnik* [*Omskii Vestnik*]. (1917). December 29, 30.
- Priказы po vedomstvu Ministerstva yustitsii [Orders by the Ministry of Justice]. (1917). In *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. No. 7–8, pp. 81–123.
- Proletarii* [*Proletarii*]. (1918). January 12.
- Put' naroda* [*Put' Naroda*]. (1918). February 22; March 24, 29.
- Reforma mestnogo suda v Sibiri [Reform of the Local Court in Siberia]. (1911). In *Trudy Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Tomskom universitete*. Iss. 2. Tomsk, Tipografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela. 30 p.

Shakhrai, S. M., Krakovskii, K. P. (2017). *Yuristy i revolyutsiya. Pro et Contra* [Lawyers and Revolution. Pro et Contra]. Moscow, Kuchkovo pole. 552 p.

Sibirskaya zhizn' [*Sibirskaya Zhizn'*]. (1918). June 18; July 4, 27.

Solomon, P. (2008). *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice under Stalin]. Moscow, ROSSPEN, Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina. 464 p.

Svobodnaya Sibir' [*Svobodnaya Sibir'*]. (1918). January 11.

TsGIA SPb [Central State Historical Archive of St Petersburg]. Stock 2297. List 1. Dos. 9, 12, 19.

Ukazy i prikazy Vremennogo pravitel'stva [Decrees and Orders of the Provisional Government]. (1917). In *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. No. 4, pp. 19–22.

Vologodskii, P. V. (2006). *Vo vlasti i v izgnanii. Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In Power and in Exile: The Diary of the Prime Minister of Anti-Bolshevik Governments and an Émigré in China (1918–1925)]. Ryazan', publ. by P. A. Tribunskii. 619 p.

Zlobintsev, V. I. (1918). Sudoustroistvo i sudoproizvodstvo po dekretam № 1 i 2 [The Judicial System and Legal Proceedings According to Decrees Nos. 1 and 2]. In *Znamya revolyutsii*. April 17.

Znamya revolyutsii [*Znamya Revolyutsii*]. (1918). January 5, 28; March 23.

Zvezdov, A. A. (1957). V period podgotovki Oktyabr'skoi revolyutsii [During the Preparation for the October Revolution]. In *V boyakh za vlast' Sovetov (vospominaniya uchastnikov sotsialisticheskoi revolyutsii i Grazhdanskoi voiny v Omske i Omskoi oblasti)*. Omsk, Omskoe oblastnoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 38–43.

The article was submitted on 18.06.2019